

ИЗ ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

В. Е. ГУСЕВ

ДОБРОЛЮБОВ И ПРОБЛЕМЫ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

I

История русской науки о народной поэзии существенно отличается от истории буржуазной фольклористики на Западе. Различны истоки у той и у другой, различны их судьбы.

Западноевропейская фольклористика зародилась в эпоху окончательного сложения наций в Западной Европе и была одним из идеологических отражений буржуазно-националистического движения в странах Западной Европы. Возникшая в это время мифологическая школа носила реакционный, идеалистический характер. Все ее усилия были направлены на реконструкцию некоей пракультуры, в частности пранискусства, на доказательство наилучшей сохранности черт этой пракультуры в современной культуре нации, которую представлял тот или иной ученый. Так, в недрах этой школы появились предпосылки расовой теории. Исключительное внимание к старине, идеализация искусства доисторической эпохи, взгляд на современную народную поэзию как на большее или меньшее искажение цельного, гармонического искусства пранарода — все это выхолащивало главное в фольклоре, мешало видеть в нем отражение реальных насущных нужд народа современной ученым эпохи, отражение свободолобивых настроений трудящихся масс, здорового патриотического чувства, ничего не имеющего общего с буржуазным шовинизмом.

Мифологическая школа была господствующей на Западе теорией вплоть до 60-х гг. XIX в., когда на смену ей приходит не менее идеалистическая, космополитическая по своей сущности теория заимствования сюжетов, появление которой объективно вполне соответствовало новой фазе в развитии европейского капитализма. Активная колонизаторская политика, политика подавления национально-освободительного движения угнетенных наций своеобразно отразилась на состоянии буржуазной идеологии, которая сознательно или бессознательно стала на путь отрицания национального своеобразия и самобытности культуры разных народов. Буржуазная фольклористика с этого времени все свое внимание направляет на бесплодное сравнительное изучение сходных и близких сюжетов, тем, образов в поэзии различных народов, игнорируя исторически сложившееся своеобразие искусства у всех народов, отвлекаясь от главного — от конкретного идейного содержания произведений народного творчества, схоластически рассматривая искусство в отрыве от конкретных условий общественной и политической жизни того или иного народа.

Указанным принципам буржуазная фольклористика остается верной вплоть до нашего времени.

Долгое время в русской буржуазной науке и в трудах некоторых зарубежных ученых схема развития западноевропейской фольклористики исторически переносилась на историю русской фольклористики. Показательным в этом отношении является раздел историографии фольклористики в учебнике для вузов Ю. М. Соколова «Русский фольклор».

Проф. М. Азадовский совершенно правильно в свое время подверг критике традиционную схему истории русской фольклористики и отметил важное значение революционных демократов в истории науки о фольклоре¹, однако не указал на своеобразие русской фольклористики сравнительно с западноевропейской фольклористикой, хотя бы в плане постановки вопроса, и не указал на причины этого своеобразия.

Подчеркивая своеобразие русской домарксистской фольклористики, мы имеем в виду в первую очередь не хронологическое несоответствие появления различных школ в России традиционной схеме истории фольклористики (на что указывает М. Азадовский), не проблему самостоятельного возникновения мифологической теории в России, не факт упреждения теории заимствования сюжетов в известной работе Пыпина, появившейся на год раньше труда Бенфея, не наличие в России «исторической школы» — все эти факты характеризуют лишь одно и, на наш взгляд, не главное направление русской фольклористики — именно официальную, дворянско-буржуазную фольклористику.

Подчеркивая своеобразие русской фольклористики, мы имеем в виду наличие в ней ясно выраженного демократического, революционного направления, развивавшегося независимо не только от западноевропейской буржуазной фольклористики, но и от отечественной официальной фольклористики, более того — враждебного этой фольклористике. Это направление появилось прежде, чем возникли различные направления дворянской и буржуазной фольклористики, оно — исконная, подлинно национальная, русская школа в истории фольклористики. Своим источником это направление имеет не буржуазно-националистическую идеологию — оно возникло как отражение народного, революционно-освободительного движения в России. Это направление берет свое начало в деятельности демократических писателей XVIII в., особенно в деятельности великого революционера Радищева, оформляется в деятельности Пушкина и декабристов, укрепляется в деятельности Белинского и Герцена, достигает высшего развития в деятельности Чернышевского и Добролюбова. Это направление подводит к русской марксистской науке о фольклоре, к деятельности А. М. Горького.

Характерные черты этого направления, отличающие его от буржуазной науки: взгляд на фольклор как на отражение идеологии трудового народа, прежде всего, применительно к России XVIII—XIX вв., — крестьянства; взгляд на фольклор как на отражение исторически конкретной действительности, прежде всего — современности; внимание к патристическому и свободолюбивому содержанию фольклора; изучение фольклора как источника познания жизни и мировоззрения народа, его стремлений и идеалов, его положительных и отрицательных качеств; изучение фольклора в связи с проблемой народности в литературе, понимаемой как отражение жизни народа, и у наиболее передовых представителей этого направления — как выражение интересов народа, изображение жизни с точки зрения народа.

Это направление не только подлинно демократично, оно несравненно жизненнее и прогрессивнее всякой буржуазной школы, оно более научно по сравнению со всей буржуазной фольклористикой в целом, так как не сосредоточивало своего внимания на непосильной для домарксистской

¹ М. Азадовский, Литература и фольклор, стр. 154—155.

науки проблеме происхождения фольклора (эту проблему так и не в состоянии была решить ни одна из буржуазных теорий), исследовало фольклор не с позиций идеалистической и метафизической методологии, а рассматривало фольклор в связи с историей и с народной жизнью, в связи с практическими задачами освободительной борьбы.

Все эти особенности демократического направления русской фольклористики особенно ярко проявились в деятельности одного из вождей революционной демократии, в деятельности идеолога крестьянской революции — Н. А. Добролюбова.

II

Интерес к фольклору у Добролюбова, как известно, проявляется очень рано — еще в годы учения в Нижегородской духовной семинарии, нарастает и приобретает сознательный, научный характер в студенческие годы.

В 1849—1852 гг. Добролюбов знакомится с некоторыми сборниками народной поэзии, изучает фольклор Нижегородской губернии, производит самостоятельные записи местного фольклора. Следы увлечения фольклором находим в поэзии Добролюбова этих лет — некоторые из ранних стихов его являются подражаниями русским народным песням («Что не ветры буйные», «Скучно мне, грустно мне», «Не крушись, не плачь, добрый молодец» и др.).

В это же время Добролюбов предпринимает первый опыт исследования народных пословиц.

Написание первой статьи Добролюбова «О некоторых местных пословицах и поговорках Нижегородской губернии» исследователи относят к марту-апрелю 1853 г. Однако, кажется, есть основание предположить, что статья эта написана Добролюбовым в 1852 г. Авторы комментариев к статье в собрании сочинений Добролюбова под редакцией Лебедева-Полянского отмечают: «Автограф датирован Добролюбовым 20 марта и 3—4 апреля 1853 г. В начале статьи дважды стоит 1853 г., в конце — 1852 г. Последняя дата, очевидно, описка»². Но то, что по мнению комментаторов является опиской, не служит ли указанием на действительную дату написания статьи?

В самом деле, известно, что статья эта была передана Добролюбовым в «Нижегородские губернские ведомости», где она так и не увидела света. В дневнике Добролюбова находим следующую примечательную запись: «Писал я три статейки для «Нижегородских ведомостей»... две, кажется сгибли у редактора — по крайней мере... они для меня остаются во мраке неизвестности»³. Запись сделана 24 января 1853 г. Какие статьи имеет в виду Добролюбов? Не была ли одна из них статьей о пословицах? Вряд ли стал бы посылать ее Добролюбов в апреле 1853 г., после того, как посланные им раньше другие статьи оставались для него «во мраке неизвестности», а если бы послал, то трудно предположить, что это событие не нашло бы отражения в дневнике.

Ни в марте, ни в апреле Добролюбов не возвращается больше к «Нижегородским ведомостям», ни о какой четвертой статье не упоминает, а между тем в одной из мартовских записей мы читаем: «Главным образом соблазняет меня авторство... На первом плане стоит удобство сообщения с журналистами и литераторами»⁴. Значит, мысли об «авторстве», о выступлении в печати продолжают волновать Добролюбова,

² Собрание сочинений Добролюбова в шести томах под редакцией Лебедева-Полянского, т. I, стр. 651. В дальнейшем все цитаты приводятся по этому изданию.

³ Добролюбов, т. VI, стр. 384.

⁴ Там же, стр. 388—389.

и все свои надежды на это, как свидетельствует та же запись, он возлагает теперь на «Северную Пальмиру», т. е. на Петербург.

Не появилась ли эта запись и мысль о «Северной Пальмире» именно в связи с неудавшейся попыткой печататься в «Нижегородских ведомостях», где работа Добролюбова оставалась даже без внимания? И так следует усомниться не в дате «1852 г.», проставленной Добролюбовым в конце рукописи, а в датах, относящихся к 1853 г. и проставленных в начале рукописи.

Статья «О некоторых местных пословицах и поговорках Нижегородской губернии» характеризует краеведческие интересы шестнадцатилетнего Добролюбова, его внимание к отражению в фольклоре местной истории и обычаев. Уже здесь заметен конкретно-исторический подход Добролюбова к произведениям фольклора, не свойственный ученым мифологической школы.

Этот метод Добролюбов сознательно применяет в своей замечательной студенческой работе, прямо направленной против метода мифолога Буслаева, — в статье «Заметки и дополнения к сборнику русских пословиц г. Буслаева» (1854). К этому времени Добролюбов уже познакомился с трудами ученых мифологической школы, еще глубже изучил взгляды на народную поэзию Белинского. Известно, что Белинский, придя независимо от западноевропейских мифологов к мысли о происхождении искусства из мифа, отличался от мифологов большей широтой взгляда на народную поэзию, отсутствием каких бы то ни было националистических, реакционных взглядов, наличием зачатков конкретно-исторического подхода к фольклору, интересом к современному фольклору критическим отношением к тем элементам в фольклоре, которые отражали консервативные стороны быта русского крестьянства.

Знакомство с Белинским позволило Добролюбову увидеть ограниченность и реакционную сущность мифологической школы, воспринять и развить правильные, революционные стороны концепции Белинского. Глубокое понимание сущности взглядов Белинского позволило Добролюбову не только избежать частных ошибок своего великого учителя, но и еще выше подняться над господствовавшей тогда на Западе и в России мифологической школой.

Названная студенческая статья Добролюбова обнаруживает и прекрасное знание материала и методологическую зрелость молодого критика.

Значение статьи определяется трезвым критическим отношением к одному из крупнейших ученых-мифологов и к применяемой им методологии. Проф. М. Азадовский в статье «Добролюбов и русская фольклористика» необоснованно утверждает, что «Добролюбов не решается еще высказаться против мифологической теории в целом»⁵. На самом деле Добролюбов совершенно определенно обнаруживает свое скептическое отношение к мифологической школе в целом, когда определяет ее положения как «гадания... основанные... на описке писца, а иногда — кто знает! — и на ослышке или обмолвке исследователя»⁶. Здесь уже слышится явная ирония! Ниже Добролюбов прямо заявляет: «Мы не можем вступать в бесплодные споры (подчеркнуто мною. — В. Г.) о мифическом периоде языка и истории»⁷.

Этим пониманием бесплодности споров с мифологами и объясняется введшее в заблуждение проф. Азадовского уклонение Добролюбова от прямой полемики с мифологами по теоретическим вопросам, но конкретная критика (притом не лишенная тонкой издевки) нелепых выводов Буслаева из этой теории применительно к пословицам должна была показать несостоятельность именно основных теоретических положений

⁵ М. Азадовский, Литература и фольклор, стр. 160.

⁶ Добролюбов, т. I, стр. 510.

⁷ Там же, стр. 511.

ний мифологической школы. Так, иронизируя над излюбленным у мифологов объяснением происхождения произведений фольклора из древних религиозных представлений, Добролюбов пишет: «что мешаает мне из пословицы — «вот тебе помои — умойся, вот тебе онучи — утрися, вот тебе лопата — помолися», вывести поклонение лопате?»⁸.

Не менее острой критике подвержена Добролюбовым и другая порочная сторона мифологической школы — ее схоластическая отчужденность от жизни народа, от современности, то «совершенное отсутствие жизненного начала», которое Добролюбов отметит позже у другого представителя русской мифологической школы — у Афанасьева. Добролюбов пишет: «Г. Буслаев исключительно придерживается тех старых сборников, из которых брал свои пословицы, и почти не обращает внимания на употребление их в народе»⁹.

Критикуя Буслаева за пристрастие к старинным памятникам и за смешение книжных нравственных сентенций с народными пословицами, Добролюбов вместе с тем подчеркивает необходимость приближения фольклористов к современности: «Почему же русский человек XI, XVI, XVII вв. имеет преимущество перед русским же человеком XVIII—XIX столетия?»¹⁰

В заключение Добролюбов дает общую нелестную оценку работе Буслаева: «Недостаток разграничения между народными и книжными пословицами у г. Буслаева... наводит подозрение и на другие пословицы...»¹¹

Добролюбов уже в этой статье сближается с вождем революционной демократии Чернышевским в отрицательном отношении к Буслаеву, как типичному представителю либерального идеалистического литературоведения. В «Полемических красотах» (1861) Чернышевский резко критикует Буслаева за его оторванность от жизни, за пренебрежение «практическим отношением знания к жизни», за «решительный недостаток критики», за следование принципу «наука для науки» и указывает на основную причину всех этих недостатков Буслаева, отмеченную до него Добролюбовым: «Пристрастие к отжившему... нелепому берет у него верх над современными убеждениями»¹².

Не случайно статья Добролюбова, не принятая либеральным журналом «Отечественные записки» (где была помещена положительная рецензия Афанасьева на сборник Буслаева), послужила поводом к знакомству Добролюбова с Чернышевским¹³.

III

Большое методологическое значение имеют и другие студенческие работы Добролюбова: «О поэтических особенностях великорусской народной поэзии в выражениях и оборотах» и «Замечания о слоге и мерности народного языка». Первая статья является своеобразной программой исследования поэтики народной поэзии, вторая — образчиком исследования некоторых сторон этой проблемы.

Добролюбов, вслед за Белинским, постоянно подчеркивал специфическую природу искусства, которое воспроизводит действительность и выражает идеи в образах: «Для поэзии необходимы живые, определенные образы»¹⁴. Это представление об искусстве основано на глубоком

⁸ Добролюбов, т. I, стр. 512.

⁹ Там же, стр. 510.

¹⁰ Там же, стр. 511.

¹¹ Там же, стр. 513.

¹² Чернышевский, Собр. соч., Пг., т. VIII, 1918, стр. 251—259.

¹³ См. воспоминания писателя Н. Н. Златовратского в «Юбилейном сборнике литературного фонда», 1859—1909, СПб., 1910, стр. 472, а также Добролюбов, т. I, стр. 660.

¹⁴ Добролюбов, т. I, стр. 121.

понимании Добролюбовым особенностей мышления у художников и особенностей творческого процесса: «В поэтических натурах, отличающихся силой воображения, ...есть особенная способность реализовать идею и чувство не прямо... а поэтическим воображением... Действительно, только тогда и может поэт истинно проникнуться идеей, когда она для него уже не отвлеченность, а... воплощается в живые образы»¹⁵. Естественно, что критика произведения искусства предполагает поэтому исследование того, как, какими художественными средствами, в каких образах выражена в произведении та или иная идея. Естественно поэтому внимание, которое Добролюбов всегда уделял художественной форме.

Примечательно, что эту проблему Добролюбов поставил впервые на материале народной поэзии. По существу в своих студенческих работах Добролюбов впервые в истории науки придал этой проблеме подлинно научный характер. Эта научность заключается в том методологическом принципе, который для Добролюбова является исходным и определяющим направление и цель исследования. Этот принцип заключается в требовании анализа формы в связи с содержанием, причем содержание понимается уже здесь Добролюбовым широко как историческая и социальная категория: «На язык так много ложится черт истории и быта народного, произведения народной словесности заключают в себе столько исторических преданий, в них так отражается мирозерцание народа, его быт, степень его образованности, что необходимо будет касаться и этих предметов, насколько они выражались в народной поэзии. Без этого моя работа не имела бы никакого приложения, была бы слишком скучна, холодна, безжизненна»¹⁶.

Этот четко сформулированный принцип исследования поэтики направлен против всяческих разновидностей формализма, против принципов теории «искусства для искусства», против ложной академической «науки», рассматривавшей анализ формы как самодовлеющую задачу исследования.

В последующей своей деятельности Добролюбов не раз обнаружит умение сочетать тонкий анализ художественной формы с раскрытием идейного содержания. Так, отмечая в статье о Кольцове систему образности в русских народных песнях, Добролюбов устанавливает зависимость этой системы от выражаемых в народных песнях чувств: «Во многих (народных песнях.— В. Г.) находим прекрасное изображение природы, хотя здесь заметно сильное однообразие, которое отчасти объясняется грустным характером песен: обыкновенно в них представляется пустынная печальная равнина, среди которой стоит несколько деревьев, а под ними раненый или убитый добрый молодец; или же несколькими чертами обрисовывается густой туман, павший на море, звездочка, слабо мерцающая сквозь туман, и девушка, горющая о своей злой судьбе...»¹⁷

В упомянутых студенческих работах Добролюбов продолжает свою борьбу против мифологической школы, которая и содержание, и поэтику народной поэзии рассматривала как отражение древних представлений и религиозного мышления.

Взгляду мифологической школы на фольклор как на своеобразный музей древностей Добролюбов противопоставляет свой диалектический взгляд на народную поэзию как на искусство, развивающееся и обновляющееся с каждой эпохой, отражающее прежде всего современность: «Народ и донныне не перестает петь, не перестает выражать свои воззрения, понятия, верования, полученные по преданию, в произведениях поэзии, то слагая новые, то переделывая применительно к своему теперешнему положению то, что преж-

¹⁵ Добролюбов, т. V, стр. 345—346.

¹⁶ Добролюбов, т. I, стр. 522.

¹⁷ Там же, стр. 124.

де уже было сложено (подчеркнуто мною.— В. Г.). Таким образом, изменяясь в устах народа, песни наши не могут быть названы... древними в том виде, как они существуют ныне»¹⁸.

Итак, уже в студенческие годы Добролюбову оказались под силу серьезные методологические проблемы, которые будущий великий критик решает вполне самостоятельно и обнаруживает свое превосходство по сравнению с господствовавшей в то время мифологической школой.

IV

Добролюбов опережает развитие западноевропейской и русской буржуазной фольклористики не только потому, что не разделяет убеждений мифологической школы, осуждает ее оторванность от жизни, от истории, от современности, но также и потому, что «перескакивает» через целый этап в истории фольклористики, минует так называемую теорию заимствования сюжетов. В 1858 г., за год до появления этой теории на Западе и одновременно с зарождением этой теории в России, Добролюбов выступает со статьями «А. В. Кольцов», «О степени участия народности в развитии русской литературы» и с рецензией «Народные русские сказки А. Афанасьева» и «Южно-русские песни, Киев, 1857 г.», в которых он не только углубляет и усиливает свою критику мифологической школы (причем эта критика принципиально отличается от возражений, которые направляли в адрес мифологической школы представители теории заимствования сюжетов), но и выдвигает ряд новых проблем, которые совершенно не затрагивались теорией заимствования сюжетов и которые по своей значительности, жизненности и научности превосходят все, что было сделано буржуазной фольклористикой.

Эти статьи, не заключая в себе непосредственной полемики с теорией заимствования сюжетов (по той простой причине, что Добролюбов в 1858 г. еще не мог знать о ее существовании), служили хорошим противовесом против этой теории, так как направляли внимание читателей на действительно существенные и подлинно научные проблемы фольклористики. Всем своим содержанием эти статьи а priori разоблачали несостоятельность и бесплодность теории заимствования сюжетов. В последующие годы поэтому Добролюбов попросту игнорирует эту теорию, так как не видит принципиального различия в методологическом отношении между ней и мифологической теорией, руководствуясь тем же сознанием «бесплодности споров», какое он высказал еще в своей статье о Буслаеве. Для Добролюбова было гораздо важнее ставить и решать положительные проблемы науки о фольклоре, которые сами по себе отвечали на вопрос о плодотворности методологии официальной фольклористики. Это было экономным и наиболее практичным средством борьбы сразу со всеми идеалистическими и антидемократическими течениями в фольклористике, как бы они ни назывались и как бы ни «управляли» друг друга, ибо для всех них были характерны те же пороки, которые Добролюбов разоблачил уже в мифологической школе и прежде всего — «совершенное отсутствие жизненного начала».

В статье о Кольцове Добролюбов на конкретном материале ставит проблему взаимодействия народной поэзии и литературы, которая будет волновать великого критика и в дальнейшем и которая особенно внимательно будет рассмотрена им в статье «О степени участия народности в развитии русской литературы».

Эта проблема непосредственно примыкает к одной из центральных проблем революционно-демократической эстетики — проблеме народности искусства. Здесь Добролюбов следует за Белинским, однако значитель-

¹⁸ Там же, стр. 523.

но углубляет своего учителя и в ряде случаев исправляет его ошибки. Характерно, что Добролюбов избрал поэзию Кольцова, статью Белинского о которой он прекрасно знал, статью, где сам Белинский наиболее правильно решал эту проблему, в противоречии с некоторыми ошибочными своими высказываниями о влиянии народной поэзии на литературу.

Добролюбов в своей статье подчеркивает исключительное значение песни в жизни русского крестьянина: «Песня сопровождает поселянина во всех его общественных трудах; она следует за ним и в семейную жизнь его»¹⁹. При этом Добролюбов отмечает особенное внимание к песне именно у русского народа: «...песня существует у всех народов, но... ни один народ не отличается такой любовью к пению, как славяне, и между ними — русские»²⁰. Добролюбов дает замечательную характеристику идейного содержания крестьянских песен, которые отразили тяжелую жизнь русского народа: «У нас мало песен веселых... большая часть наших народных песен отличается тяжелой грустью... во всем видно желание чего то, стремление к какой-то лучшей доле, какой-то порыв души, но порыв неопределенный»²¹.

Несмотря на присущее Добролюбову как революционеру критическое отношение к народной поэзии, отражавшей неразвитость общественного сознания забитого и угнетенного русского крестьянства, Добролюбов ценит народную поэзию за реалистическое и потому истинно поэтическое изображение жизни: «В них (в народных песнях.— В. Г.) верно и без всяких прикрас отражается грубый быт простолюдина»²².

Во всех этих высказываниях ясно выражено понимание зависимости народной поэзии от жизни, понимание своеобразия русской народной поэзии — как следствия особого положения русского крестьянства. Это принципиально отличается взгляды Добролюбова на народную поэзию от космополитических взглядов буржуазных фольклористов.

Прослеживая влияние народных песен на русскую дворянскую поэзию, Добролюбов отмечает постепенное приближение русских поэтов к духу народной поэзии и вместе с тем подчеркивает их неспособность органически слиться с народной поэзией, так как «чувства, выражаемые в их песнях, принадлежат не простым людям»²³. Только в поэзии Кольцова происходит это слияние, так как «в его стихах впервые увидели мы чисто русского человека, коротко знакомого с бытом народа, человека, жившего его жизнью и имевшего к ней полное сочувствие»²⁴, так как Кольцов имел «возможность узнать истинные нужды народа». Это и позволило Кольцову постичь дух народной поэзии и воспользоваться ею так плодотворно в своем творчестве. Эти мысли Добролюбова имеют большое принципиальное значение, так как доказывают, что не книжное знакомство с народной поэзией и не усвоение ее форм, а близость к народу, знание «нужд народа» являются залогом подлинной народности писателя.

Хотя Добролюбов и отмечает превосходство стихов Кольцова по сравнению с народными песнями в смысле большей сознательности и определенности в выражении некоторых чувств, однако в статье «О степени участия народности...» Добролюбов высказывает свою неудовлетворенность поэзией Кольцова, не отразившей полностью всех сторон жизни и всех чувств русского народа, его революционных устремлений: «Его поэзии недостает всесторонности взгляда, простой класс народа является у него в уединении от общих интересов»²⁵. Безусловно, Добролюбову

¹⁹ Добролюбов, т. I, стр. 124.

²⁰ Там же, стр. 123.

²¹ Там же, стр. 124.

²² Там же, стр. 125.

²³ Там же, стр. 126.

²⁴ Там же, стр. 127.

²⁵ Там же, стр. 237.

были известны народные песни, в которых выражались эти «общие интересы», выражалось критическое отношение народа к крепостному праву и к самодержавию, поэтому критику Кольцова следует понимать как упрек в недостаточном знании всех «истинных нужд народа» и отражения этих нужд в народной поэзии, ибо, по убеждению Добролюбова, «весь круг жизненных насущных интересов охватывается в песне»²⁶. В связи с этой критикой Кольцова и в связи с проблемой отношения литературы к народной поэзии большой интерес представляют рецензии Добролюбова «Песни Беранже» (1858) и «Кобзарь Тараса Шевченко» (1860).

В первой рецензии Добролюбов с полным сочувствием цитирует предисловие самого Беранже к собственным песням: «...С тех пор, как народ... стал принимать сознательное участие в политических событиях, его понятия возвысились и облагородились... Оттого и назначение песни народной теперь должно быть выше и чище»²⁷. Совершенно ясно, что это относилось Добролюбовым и к русской народной песне и к тем поэтам, творчество которых оплодотворяется народной поэзией. Именно поэтому Добролюбов дает высокую оценку поэзии Тараса Шевченко, отдавая ему предпочтение перед Кольцовым, ибо Шевченко — поэт «совершенно народный», так как отражал свободолюбивые настроения народа, а Кольцов «складом своих мыслей и даже своими стремлениями иногда удаляется от народа»²⁸. Но «совершенно народным» поэтом Шевченко стал потому, что он «близок к народной песне», которая охватывает «весь круг жизненных насущных интересов»²⁹. Для Добролюбова великий украинский поэт был идеалом художника революционной демократии, человеком, который правильно понял задачи поэзии и истинные нужды народа, который глубоко усвоил дух народной поэзии и который стал поэтом подлинно народным поэтом. Добролюбов не мог в своей статье назвать такого же великого русского народного поэта — Некрасова, потому что тот был редактором «Современника», где печатались статьи Добролюбова — сотрудника этого журнала.

Так, с позиций революционной демократии решает Добролюбов проблему народности, как отражения всех «жизненных насущных интересов народа», указывает на одно из условий достижения народности — на «близость» к народной поэзии, умение освоить ее свободолюбивое содержание. В рецензиях о Кольцове, Беранже и Шевченко Добролюбов конкретно показывает, как воплощается в литературе это условие народности.

V

Еще более широко, применяя последовательный историзм, Добролюбов ставит проблему народности в русской литературе и связанную с ней проблему взаимодействия литературы и народной поэзии в статье «О степени участия народности в развитии русской литературы». Проф. М. Азадовский в свое время вскрыл политический смысл этой статьи, в которой Добролюбов давал бой одновременно и реакционной теории славянофилов с ее фальшивой идеализацией консервативных сторон народной жизни и народной поэзии и либералам с их барски пренебрежительным, антипатриотическим отношением к народной поэзии, видевшим в народной поэзии «безобразное состояние нашей народности»³⁰.

Заслуга Добролюбова заключается в том, что он показал противоречивый характер народной поэзии, показал, что продолжительное идеоло-

²⁶ Добролюбов, т. II, стр. 566.

²⁷ Добролюбов, т. I, стр. 465.

²⁸ Добролюбов, т. II, стр. 562.

²⁹ Добролюбов, т. I, стр. 566.

³⁰ М. Азадовский, Литература и фольклор, стр. 164—174.

гическое влияние на народ со стороны господствующих классов, главным образом через церковь, привнесло в народную поэзию чуждые народу взгляды. Добролюбов доказывает, что христианская церковь через книжную литературу пыталась воздействовать на народную поэзию, «старалась внести свои идеи, но, как чуждая народной жизни, она могла только по своему исказить то, что было живого в народе, и не в состоянии была ни проникнуться его нуждами, ни опуститься до степени его понимания»³¹. Так Добролюбов вскрыл антинародную, реакционную сущность церковной идеологии. Искусственно навязанные, чуждые народу идеи не могли не оказать отрицательное воздействие и на характер народной поэзии. «Невозможно сомневаться, что значительная доля искажений в русской народной поэзии произведена была ..именно этими книжниками»³². Именно этим враждебным идеологическим влиянием, а не мировоззрением самого народа, определяются те консервативные элементы народной поэзии, которые сознательно поднимали на щит славянофилы, выдавая их за выражение исконного народного мировоззрения, и значение которых необоснованно преувеличивали либералы, лицемерно оправдывая этим свое презрительное отношение к простому народу. Добролюбов отстаивает подлинную народную поэзию от посягательств славянофилов и от нападков либералов. «Мы думаем,— писал Добролюбов,— что нет у нас достаточных данных, чтобы обвинять народность в безобразиях поэзии и даже самой жизни, а есть, напротив, данные, позволяющие видеть их причину в обстоятельствах, пришедших извне»³³. Следовательно, основным и исконным в народной поэзии является выражение «истинных нужд народа». Следовательно, чтобы устранить «безобразия», т. е. консервативные стороны народной жизни и поэзии, надо устранить «обстоятельства, пришедшие извне», т. е. крепостнические отношения и влияние господствующих классов и церкви на народ.

Характеризуя русскую народную поэзию, Добролюбов приходит к выводу о большей сохранности в ней сравнительно с поэзией других народов исконных народных интересов и о большей сопротивляемости ее влиянию чуждых народу идей: «Народные песни... не скоро увлеклись чуждыми интересами... В этом отношении славянская народная поэзия имеет даже преимущество перед прочими европейскими»³⁴. В русской народной поэзии, по мнению Добролюбова, «заключается много доказательств того, что в народе нашем издревле хранилось много сил для деятельности обширной и полезной, много было задатков самобытного живого развития»³⁵.

Подлинный смысл приведенных высказываний о народной поэзии станет ясным только в связи со взглядом Добролюбова на литературу в классовом обществе. Хотя «народная поэзия не могла... остаться неприкосновенною», хотя «сохранить свою первоначальную чистоту и свежесть эта поэзия также не могла» в силу влияния на нее чуждых народу идей, однако все-таки именно народная поэзия в классовом обществе более, чем литература, заключает в себе выражение подлинных народных интересов, так как «стать выше угождения своекорыстным интересам меньшинства, к сожалению, не умела еще до сих пор ни одна европейская литература»³⁶. Добролюбов указывает на то, что «между десятками различных партий почти никогда нет партии народа в литературе»³⁷. Именно это обстоятельство делает очень важным значение народной поэзии, которая, в противоположность литературе в классовом

³¹ Добролюбов. т. I, стр. 219.

³² Там же.

³³ Там же, стр. 215.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же, стр. 213.

³⁷ Там же, стр. 211.

обществе, изображает жизнь «с народной точки зрения», а не «в видах частных интересов той или другой партии, того или другого класса»³⁸.

Хотя, по замечанию Добролюбова, в русской литературе «не так заметно выказывается характер парциальности, развившейся в литературах Западной Европы»³⁹, хотя русская литература и приближается все больше и больше к народной жизни, однако и она еще не вполне стала народной, еще не возвысилась в целом до понимания подлинных нужд народа: «Если окончить Гоголем ход нашего литературного развития, то и окажется, что до сих пор наша литература почти не выполняла своего назначения: служить выражением народной жизни, народных стремлений. Самое большее, до чего она доходила, заключалось в том, чтобы показать, что есть и в народе нечто хорошее»⁴⁰. Этот суровый и несколько категоричский вывод Добролюбова был выражением высокой, подлинно революционной требовательности к русской литературе, желания видеть в ней «партию народа». Безусловно, для Добролюбова было ясно, что такой «партией народа» в русской литературе и была революционная демократия в лице ее великих критиков, беллетристов и поэтов.

Из всего сказанного выше видно, что одним из условий народности в литературе Добролюбов считал «близость» к подлинной народной поэзии, глубокое и правильное ее понимание, что возможно при критическом отношении к народной поэзии, при учете наличия в ней чуждых ей «наростов», появившихся вследствие идеологического влияния господствующих классов.

Статья Добролюбова имела колоссальное значение в истории русской общественной мысли и науки о народной поэзии. Она сохраняет огромное принципиальное значение, как выражение его революционных взглядов на сущность и значение народной поэзии, несмотря на некоторые ошибки, допущенные Добролюбовым в его исторической концепции фольклора, связанные с наличием в его взглядах на историю общества элементов идеализма (односторонний взгляд на политическую жизнь Киевской Руси, вследствие чего появление героического народного эпоса отнесено им к эпохе татарского нашествия, неправильное представление о том, что только разочарование в князьях заставило народ обратиться к образам богатырей, неправильное объяснение гиперболизма и фантастики в народной поэзии, как следствия неудовлетворенности народа своим положением и мечты об освобождении в будущем).

VI

Народная поэзия была для Добролюбова одним из первоисточников познания народной жизни и народного мировоззрения. Именно с этих позиций и исходит Добролюбов в своих оценках народной поэзии и работы собирателей и исследователей народной поэзии. Ярким примером революционной целеустремленности Добролюбова служит его рецензия «Народные русские сказки Афанасьева», «Южно-русские песни», относящаяся к 1858 году.

Эта рецензия наносила удар по всей академической науке (а не только по Афанасьеву!), отгородившейся от народа, для которой было характерно «совершенное отсутствие жизненного начала». Добролюбов пишет о «высоко ученых мужах» — служителях «чистого искусства»: «Вся деятельность этих господ посвящена служению общим и чистым интересам отвлеченной науки и искусства»⁴¹.

С этих позиций Добролюбов ставит и важный практический вопрос о

³⁸ Там же.

³⁹ Там же, стр. 214.

⁴⁰ Там же, стр. 237.

⁴¹ Там же, стр. 429.

принципах собирания и публикации произведений народного творчества. Добролюбов разоблачает барски пренебрежительное отношение «высоко-ученых мужей» к народной поэзии: «Они встают и против полных сборников произведений народной поэзии, носят в ней недостаток просвещенных понятий и эстетического вкуса»⁴². Добролюбов, иронизируя, приводит излюбленный аргумент всех реакционных эстетствующих критиков: «Разве все, что можно взять из народной поэзии, не усвоено уже в нашей высшей литературе Кольцовым?»⁴³. Эти эстетствующие критики выражают неудовольствие по поводу публикации народной поэзии: «И к чему в печатной литературе эти сборники, да еще изданные так внимательно, с соблюдением местного выговора, с вариантами, примечаниями и проч... разве нельзя ограничиться выбором двух-трех сказок, десяти или пятнадцати песен, да сотен двух послловиц, которые поизящнее да поумнее?»⁴⁴ Добролюбов резко осуждает такой взгляд на народную поэзию и на публикацию произведений фольклора: «Но едва ли заслуживает особенного уважения подобное гастрономическое направление в науке»⁴⁵.

Мы видим, что Добролюбов решительно выступает за возможно более полное опубликование произведений народной поэзии, которые «имеют непосредственное отношение к умственной и нравственной жизни народа». О том, насколько прочным и глубоким было это убеждение Добролюбова, доказывает его страстный и смелый спор на эту же тему с одним из «высоко ученых мужей» — И. И. Срезневским, под руководством которого Добролюбов занимался в Главном педагогическом институте. Этот спор происходил задолго до написания Добролюбовым рецензии и нашел отражение в дневниковой записи от 23 января 1857 г.⁴⁶, но, очевидно, припомнился Добролюбову в момент написания рецензии.

В своих требованиях тщательного и полного собирания и публикации произведений народной поэзии Добролюбов исходил не из объективистского, некритического отношения к фольклору, а из научных соображений важности и ценности фольклора как «материала для характеристики народа». В этом проявлялся его революционный взгляд на народ, его положение и его дальнейшую судьбу: «Конечно, никто не думает возводить в идеал изящества и глубины мысли каждую из народных сказок или песен, так же как никто не восхищается курными избами и лохмотьями простонародья. Но дело в том, чтобы иметь возможно полное и ясное понятие об этих курных избах и лохмотьях, об этих пустых щах и гнилом хлебе. Без знания этого невозможны никакие усовершенствования в народном быте. Так точно обязаны мы знать внутреннюю жизнь народа, если хотим что-либо сделать для его просвещения и облагорожения»⁴⁷. Требование публикации всех произведений народной поэзии в условиях 50—60-х гг. имело революционное значение.

Итак, публикация произведений народной поэзии должна быть не самоцелью, а средством познания жизни и мировоззрения народа. Поэтому публикации фольклора должны носить научный характер — «с соблюдением местного выговора, с вариантами, примечаниями и проч.» Важно только, чтобы эти условия также не превращались в самоцель, а выполнялись для более полного знакомства с жизнью народа. Научный аппарат в сборниках фольклора должен передавать «всю обстановку, как чисто внешнюю, так и более внутреннюю, нравственную, при которой удалось... услышать эту песню или сказку»⁴⁸.

⁴² Добролюбов, т. I, стр. 429—430.

⁴³ Там же, стр. 430.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Добролюбов, т. VI, стр. 462—463.

⁴⁷ Добролюбов, т. I, стр. 431.

⁴⁸ Там же, стр. 433.

Именно потому, что Добролюбов исходит из научных требований к публикации произведений фольклора, он и подвергает резкой критике и Афанасьева, и тех представителей академической науки, которые формально как будто удовлетворяют требованиям Добролюбова (есть и варианты, и примечания, и соблюдено местное произношение!), но на самом деле далеко стоят от подлинной научности, которая заключается в «жизненном начале», в изучении фольклора в связи с конкретной исторической, общественной, политической жизнью народа, в связи с его «насушными нуждами».

Добролюбов резко осуждает схоластический, метафизический, так называемый «филологический» метод, отрывающий искусство от жизни, и выступает за «этнографический» метод, за изучение фольклора в связи со всей «живой действительностью», историей и бытом народа: «Выврать факт из живой действительности и поставить его на полку рядом с пыльными фолиантами, или классифицировать несколько обрывочных, случайных фактов на основании школьных логических делений — это значит уничтожить ту жизненность, которая заключается в самом факте, поставленном с окружающей его деятельностью»⁴⁹.

Все эти мысли не потеряли своего актуального значения и для нашего времени, они направлены против пережитков ложного академизма и формализма в фольклористике, против пережитков буржуазных теорий в фольклористике.

* * *

Поистине замечательна деятельность Добролюбова в области науки о фольклоре. Поражает сочетающееся с революционной целеустремленностью богатство проблематики его работ (мы не имели возможности отметить еще интерес Добролюбова к областным изданиям фольклора и поощрение собирательской деятельности на местах⁵⁰, мысли Добролюбова о большом воспитательном значении фольклора для детей⁵¹ и др.), необычайно ранняя зрелость и смелость его научной мысли, яркая самобытность и новаторство его идей. Все это не является случайным и не может быть объяснено одной исключительной одаренностью великого критика. Главной причиной огромного значения работ Добролюбова о фольклоре является его передовое революционное мировоззрение, его сознательное и страстное служение интересам народа и нашей великой Родине. О нем можно было бы сказать его же словами, обращенными к другому писателю: «Любовь к родине у него сливается с любовью к народу». Эта близость к народу, знание его «истинных нужд» и позволили Добролюбову решить важнейшие проблемы науки о фольклоре, занять выдающееся место в истории русской и мировой фольклористики.

⁴⁹ Там же, стр. 432.

⁵⁰ Добролюбов, т. III, рецензии на Пермский сборник.

⁵¹ Добролюбов, т. III, стр. 468, 488.